

Colombina

Романы
о любви

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Фея Альп

МОСКВА
2015

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
В35

Elisabeth Werner
DIE ALPENFEE

Перевод с немецкого *В. Зиновьева*
Художественное оформление *С. Власова*

Вернер, Элизабет.
В35 Фея Альп/Элизабет Вернер ; [пер. с нем. В. Е. Зиновьева]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-84900-0

Честолюбивый инженер Вольфганг Эльмгорст руководит прокладкой первой железной дороги высоко в Альпах. Молодой человек амбициозен и намерен жениться на богатой наследнице. Однако его уже растревожила встреча с юной альпийской дикаркой Эрной, единственной дочерью обедневшего барона Тургау. Сможет ли Вольфганг отдаться искренним чувствам? Но главное... позволит ли фея Альп упряму победить горную стихию или одарит его смертельным поцелуем?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Зиновьев В., перевод на русский язык,
2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-84900-0

Глава 1

Буря пронеслась мимо и высоко, и над снежными пиками гор заиграла яркая радуга. Вдали еще глухо раздавались раскаты грома, которые то и дело подхватывало эхо в ущельях. Густые массы облаков жались к обрывистым склонам, но по большей части небо уже прояснилось. Горные вершины выглянули из моря тумана, а за ними стали медленно выплывать из белесой мглы зеленые луга и темные леса...

Где-то там, в самом сердце гор, лежала узкая долина, прорезанная пенистым потоком — уединенное место, полностью отрезанное от внешнего мира, и тем не менее цивилизация нашла тропу и в этот забытый богом уголок. На тихой горной дороге, где прежде лишь изредка проезжал экипаж или брел одинокий пешеход, теперь было полным-полно народу. Повсюду суетились инженеры и горные рабочие: исследовали местность, что-то чертили, измеряли. Скоро в этот тихий уголок гор должна была протянуть свою стальную руку железная дорога, и подготовительные работы шли полным ходом.

На склоне, у края ущелья, стояла усадьба, на первый взгляд немногим отличающаяся от подобных строений, часто встречающихся в горах. Но, подой-

дя ближе, нетрудно было увидеть, что эта постройка — не крестьянское жилище. Каменные стены были монолитными, окна и двери — довольно широки; два полукруглых выступа по углам своими медными, горящими на солнце крышами напоминали башенки и придавали зданию внушительный вид, а над входом красовался высеченный в камне герб.

Это была одна из тех старинных барских усадеб, которые до сих пор встречаются кое-где в горах, серая, потемневшая от непогод, но упорно противящаяся разрушению. Позади нее темнел чрезвычайно живописный лес, а над ним гордо вздымалась мощная скала с отвесными стенами и вершиной в снежной короне.

Внутренность дома соответствовала наружному виду. Большая низкая комната со сводчатым потолком занимала почти весь передний фасад. Потемневшая деревянная облицовка стен, исполинская изразцовая печь, стулья с высокими спинками, резной дубовый буфет — все грубое, простое и древнее. Из окон открывался великолепный вид на горы, но двое людей, сидевших за столом и занятых разговором, не обращали внимания на ландшафт.

Один был человек лет пятидесяти, исполинского роста, с широкой грудью и мощными руками. В его густых белокурых волосах и бороде не было еще ни одной серебряной нити, а загорелое лицо дышало энергией и здоровьем. Его собеседник был приблизительно одного с ним возраста, но слабое сложение, резкие черты умного лица и совершенно седые волосы очень старили его. Лицо с высоким лбом, изрезанным глубокими морщинами, говорило о неустанной деятельности и борьбе, но ясно видный в нем

оттенок высокомерия производил неприятное впечатление, а манеры и речь выдавали человека, привыкшего повелевать.

— Будь же наконец благоразумен, Тургау, — говорил он тоном, в котором слышалось нетерпение. — Сопrotивление ни к чему не приведет, тебе все равно придется уступить.

— Придется? — вспыхнул Тургау. — Это мы еще посмотрим! Пока я жив, в моей усадьбе ни один камень не будет сдвинут с места!

— Но ведь она стоит у нас на дороге: как раз здесь должно пройти железнодорожное полотно.

— Так перенесите свое проклятое полотно! Куда угодно, хоть на самую вершину Волькенштейна, а дом мой оставьте в покое. И не трудись, Нордгейм. Я не соглашусь.

Нордгейм усмехнулся сострадательно и иронически.

— Ты в своей глуши, кажется, совсем разучился понимать мир и его требования. Неужели ты воображаешь, что дело, подобное нашему, можно остановить, потому что какому-то барону Тургау не угодно уступить нам несколько квадратных метров своей земли? Если ты будешь упорствовать, нам останется только применить принудительное право: ведь ты знаешь, что предоставлена полная власть в этом отношении.

— Ого! И у меня ведь есть еще кое-какие права! Я протестовал и буду протестовать до последнего вздоха. Моя усадьба Волькенштейн будет стоять на месте, хоть бы все железнодорожное общество, со своим почтенным председателем Нордгеймом во главе, перевернулось вверх ногами.

— А если тебе предложат двойную цену?

— Хоть десятерную! Я не торгую наследием своих предков. Мой дом останется на месте — и basta!

— Это все то же упрямство, которое уже недешево обошлось тебе в жизни! Я мог бы предвидеть это, но не скажу, чтобы мне было приятно, что мой собственный шурин принуждает общество, во главе которого я стою, к насильственному образу действий.

— А потому ты потрудился явиться собственной персоной? — насмешливо заметил Тургау. — Это первый раз за многие годы.

— Я хотел попытаться образумить тебя, если мои письма не оказали действия. Впрочем, ведь ты знаешь, как мне дорого время.

— Как не знать! Я с благодарностью отказался бы от этой неустанной погони за добычей, которую ты называешь жизнью. Какой толк тебе от твоих миллионов, оттого, что тебе так баснословно везет? Ты то здесь, то там, вечно второпях, обременен делами, и так с утра до позднего вечера; а ночью, когда каждый разумный человек ложится отдыхать, ты еще целыми часами сидишь за письменным столом. Отсюда и твои седые волосы, и морщины на лбу. Посмотри на меня! — Тургау выпятил грудь и расправил могучие плечи. — А ведь я на целый год старше тебя.

Нордгейм взглянул на шурина, на лбу которого действительно не было ни морщинки, и его губы насмешливо дрогнули:

— Все это совершенно верно, но не каждый в состоянии жить в глуши среди сурков и только и делать, что стрелять коз. Сколько уж лет, как ты вышел в отставку, хотя твое древнее имя могло помочь тебе сделать карьеру.

— Да ведь я не гожусь для барщины. «Ни один Тургау для службы не годился, потому-то вы и опустились так», хочешь ты сказать? Я это вижу по твоей насмешливой улыбке. Мало осталось от нашего прежнего богатства, но, по крайней мере, у меня есть крыша над головой, а земля, на которой я стою, — моя. Тут мне никто не смеет приказывать и противоречить, во всяком случае, не смеет твоя проклятая железная дорога. Ну, Нордгейм, не сердись, не будем ссориться из-за этой истории! Нам незачем упрекать друг друга, потому что если я — упрямец, то ты — деспот; ты заставляешь свое хваленое общество плясать под свою дудку, а если кто вздумает противоречить тебе, того просто хватают за шиворот и выставляют вон.

— Ты почему знаешь? Ведь ты никогда не интересовался нашими делами.

— Нет, но я разговаривал недавно с несколькими инженерами, которые производят измерения неподалеку. Они на чем свет стоит ругают тебя, твою тиранию и то, как ты покровительствуешь любимчикам. Мне пришлось выслушать весьма нелестные отзывы.

Нордгейм равнодушно пожал плечами.

— Вероятно, по поводу назначения на участок старшего инженера, который пришелся не по вкусу этим господам. Они грозили поднять настоящий бунт из-за того, что им дали в начальники молодого человека. Да, ему всего двадцать семь лет, но у него больше ума, чем у всех у них вместе.

— Они утверждают, что это карьерист, для которого все средства хороши, лишь бы достигнуть высокого положения, — бесцеремонно сказал Тургау, — и что ты, как председатель правления, вовсе

не должен вмешиваться, назначать служащих имеет право только главный инженер.

— Официально, конечно, так, и я редко пускаю в ход свое влияние, но когда я это делаю, то требую, чтобы мои желания принимались во внимание. Как бы то ни было, Эльмгорст — старший инженер и останется им. Те, кому это не по вкусу, могут уходить, я очень мало забочусь об их мнении.

Его слова дышали высокомерием человека, который привык требовать безусловной покорности своей воле без всяких рассуждений. Тургау не успел ответить, потому что в эту минуту дверь распахнулась, и в комнату ворвалось какое-то создание в мокрой одежде, с развевающимися волосами. Оно пролетело мимо Нордгейма и бурно бросилось к барону. За ним последовало второе, тоже мокрое, лохматое, и принялось прыгать вокруг хозяина дома с радостным лаем. Это шумное приветствие походило на нападение, но он и не думал защищаться от мокрых ласк, которыми оба его осыпали.

— Вот и я, папа! — звучал звонкий девичий голос. — Мокрая, как ундина! Всю грозу выдержала на Волькенштейне! Посмотри, в каком виде мы с Грейфом!

— Сейчас видно, что прямо с неба свалились! — со смехом сказал Тургау. — Но разве ты не видишь, Эрна, что у нас гость? Узнаешь?

Девушка выпустила отца из объятий. Она не заметила гостя, который при ее внезапном вторжении поднялся и отошел в сторону. Несколько секунд она колебалась, не узнавая его, потом, радостно крикнув: «Дядя Нордгейм!», быстро двинулась к нему. Но он поспешно вытянул руки вперед, защищаясь:

— Пожалуйста! Ведь при каждом движении с тебя буквально льет вода! Бога ради, отгони собаку! Вы, кажется, хотите дать мне вкусить здесь, в комнате, все прелести ливня!

Эрна со смехом схватила собаку за ошейник и оттащила ее назад. Грейф действительно выражал желание познакомиться с гостем поближе, что и показалось Нордгейму не особенно приятным. Впрочем, его хозяйка имела не лучший вид. Неуклюжие горные башмаки на маленьких ножках, очень короткое платье из бумажной материи и черная касторовая шляпа — все было пропитано водой. Однако это несколько ее не беспокоило, она бросила шляпу на первый попавшийся стул и откинула назад мокрые волосы, с которых стекали капли воды.

Эрна очень мало походила на отца, от него она унаследовала только темно-голубые глаза и белокурые волосы. В остальном же не было ни малейшего сходства между исполинской фигурой Тургау, его лицом с добродушными, но довольно невыразительными чертами, и обликом этой шестнадцатилетней девушки, тоненькой и гибкой, бессознательно грациозной в каждом движении. Ее розовое личико блистало свежестью молодости. Черты его, еще по-детски неопределенные, нельзя было назвать красивыми, а маленький рот выражал ребяческое упрямство. Красивы были, в сущности, только глаза, синие, как горные озера. Ее волосы, растрепанные ветром и смоченные дождем, волной падали на плечи. Девушка имела далеко не салонный вид, она казалась олицетворением весенней бури.

— А ты боишься двух-трех капель дождя, дядя Нордгейм? — весело спросила она. Что ж ты делал бы, если бы попал под такой ливень, как мы? Впрочем, мне это было нипочем, но мой спутник...

— Ну, мне кажется, шкура Грейфа тоже не боится дождя, — перебил барон.

— Грейфа? Я оставила его в пастушьей хижине: ведь он не умеет лазать по горам, а за хижинкой приходится карабкаться взапуски с козами. Я говорю о незнакомце, которого встретила по дороге. Он забрался слишком высоко и не мог найти дорогу назад в тумане, если бы я не проводила его, он и до сих пор сидел бы на Волькенштейне.

— Ох, уж эти мне горожане! — сказал Тургау с досадой. — Приедут с большими горными посохами, в новеньких с иголки туристских костюмах и делают вид, будто наши Альпы для них — игрушка, а при первом же дожде забиваются в какую-нибудь трещину в скале и приобретают насморк. Что, очень трусил этот франтик, когда началась гроза?

— Нет, он не трусил, — ответила Эрна. — Он шел совершенно спокойно рядом со мной под дождем и молниями, и при спуске тоже держался храбро, хотя видно было, что он не привык к таким вещам. Но это отвратительный человек! Он смеялся, когда я ему рассказывала об альпийской фее, которая каждую зиму сбрасывает лавины в долину, а когда я рассердилась, покровительственно заметил: «Да, правда, ведь вы живете здесь в царстве суеверия, я совсем забыл об этом!» Как я хотела, чтобы фея Альп сию же минуту сбросила ему на голову лавину! Я так ему и заявила.

— Ты сказала это незнакомому господину, которого в первый раз видишь? — удивленно спросил Нордгейм.

— Конечно, сказала! Мы терпеть его не можем, не правда ли, Грейф? Ты заворчал на него, когда мы с ним подходили к хижине, и хорошо сделал, мой песик, очень хорошо. Однако я пойду, надену сухое платье, а то дядя Нордгейм, чего доброго, получит насморк от одной моей близости.

Девушка выбежала из комнаты так же стремительно, как и появилась. Грейф хотел последовать за ней, но дверь захлопнулась перед самым его носом, и он, отряхнувшись так, что брызги полетели во все стороны, улегся у ног хозяина.

Нордгейм демонстративно обмахнул платком свой черный сюртук, хотя по счастливой случайности на него не попало ни капли, и резко произнес:

— Не в обиду тебе будет сказано, Тургау, ты непростительно запустил воспитание дочери.

— Запустил? — переспросил Тургау, очевидно, крайне удивленный тем, что в его дочери находят что-то достойное порицания. — Чего же девочке не хватает?

— По-моему, всего, чего следует ожидать от баронессы фон Тургау. Что это за костюм, в котором она сейчас была здесь? И ты допускаешь, чтобы она часами бродила в горах и заводила знакомство с первым встречным туристом?

— Ба, ведь она еще ребенок!

— В шестнадцать-то лет? На свое несчастье, она слишком рано лишилась матери, ты положительно дал ей одичать. Конечно, если девочка растет в такой обстановке, без ученья, без воспитания...

— Извини, пожалуйста! Когда я переселился после смерти жены сюда, то привез с собой учителя, старика-магистра, который умер только этой весной; Эрна училась у него всевозможным вещам, а воспитывал ее я. Именно такой я и желал ее сделать, потому что нежных оранжерейных растений, как твоя Алиса, нам здесь, в горах, не нужно. Моя девочка здорова и телом, и духом; она выросла свободной, как птица, и должна остаться такой. Если ты называешь это одичанием — сделай одолжение, а мне моя Эрна нравится.

— Тебе — может быть, но не будешь же ты единственным мерилом для Эрны всю ее жизнь. Когда она выйдет замуж... Ведь рано или поздно явится кто-нибудь, кто пожелает на ней жениться.

— Пусть только посмеет! Я этому молодцу и руки, и ноги переломаю! — крикнул барон вне себя от ярости.

— Ты обещаешь быть весьма любезным тестем, — сухо заметил Нордгейм. — По-моему, брак — назначение девушек. Или, может быть, ты полагаешь, что я потребую от своей Алисы, чтобы она оставалась в старых девах, потому что она моя единственная дочь?

— Это совсем другое дело, — медленно сказал Тургау, — совсем другое. Может быть, ты и любишь дочь — почему бы, в самом деле, тебе не любить ее? — но ты отдашь ее с легким сердцем. У меня же на всем божьем свете нет никого и ничего, кроме моего дитяти, это единственное, что мне осталось, и я не отдам его ни за что. Пусть-ка пожалуют господа женихи! Я их так спроважу, что они забудут дорогу сюда.

Нордгейм взглянул на барона с холодной, сострадательной улыбкой превосходства, с которой смотрят на глупости ребенка.

— Если ты останешься верен своим воспитательным принципам, то в этом не будет надобности, — сказал он, вставая. — Но я совсем забыл... Завтра я жду Алису в Гейльборн: доктор предписал ей здешние ванны и горный воздух.

— В этом элегантном, скучном и модном гнезде невозможно выздороветь, — презрительно объявил Тургау. — Прислал бы ты девочку ко мне: тут она получила бы горный воздух, так сказать, из первых рук.

— Ты очень любезен, но мы, разумеется, должны следовать предписаниям докторов, — возразил Нордгейм. — Надеюсь, мы еще увидимся?

— Конечно! Ведь до Гейльборна всего два часа ходьбы! — воскликнул барон, от которого совершенно ускользнул холодный тон приглашения. — Я непременно приеду с Эрной.

Он тоже встал, чтобы проводить гостя. Расхождение во взглядах несколько не мешало в его глазах родственному чувству, и он простился с шурином со свойственной ему грубоватой сердечностью. Эрна, как птица, слетела к ним с лестницы, и они втроем вышли на площадку перед домом.

Подали экипаж Нордгейма. В эту минуту в воротах появился молодой человек и, кланяясь, направился к хозяину дома.

— Здравствуйте, доктор! — весело крикнул ему Тургау, а Эрна с непринужденностью ребенка побежала навстречу гостю и протянула ему руку. — Это наш лейб-медик, — продолжал барон, обращаясь